

Юрис Годдманис

Рига, Латвия

ВОПРОС НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ ЕВРЕЕВ В ПАРЛАМЕНТЕ ЛАТВИИ (1918—1925)

Вопросы культурной автономии национальных меньшинств в Латвии в период между двумя мировыми войнами в XX в. в своих исследованиях затрагивали многие авторы¹. В этой статье основное внимание обращено на рассмотрение законопроектов национально-культурной автономии (национально-культурного самоуправления) евреев в парламенте Латвии и латвийском обществе в первой половине 20-х гг.

После Первой мировой войны, когда в Европе образовалось несколько новых национальных государств, в центре внимания международной общественности оказались проблемы защиты прав этнических (национальных) меньшинств. Тогда и стала актуальной идея культурной автономии, выдвинутая на рубеже XIX и XX вв. австромарксистами Отто Бауэром и Карлом Реннером (Шпрингером) и позднее подхваченная теоретиками многих европейских социал-демократических партий, в том числе и еврейского *Бунда² (хотя сам О. Бауэр считал, что для евреев культурно-национальная автономия нежелательна, так как ограничивала бы их экономические и правовые возможности³).

Культурно-национальная автономия в ее классическом понимании означала бы экстерриториальное самоуправление в решении вопросов образования и культуры национальных меньшинств. Для этой цели было предусмотрено создание национального кадастра, на основании которого меньшинство организовалось бы как публично-правовое объединение (корпорация). Предполагалось, что каждому гражданину будет предоставлена свобода выбора — присоединиться или не присоединиться к меньшинству, и придется принять частичную материальную ответственность за осуществление своих желаний — у самоуправления были бы права облагать граждан, включенных в кадастр, дополнительными налогами. Вместе с тем каждая нация сама покрывала бы нужды своей культуры, нациям не пришлось бы бороться между собой за власть в стране и за распределение ресурсов⁴.

Одновременно с австромарксистами на рубеже XIX—XX вв. свою идею еврейского *автономизма развивал выдающийся еврейский историк Семен Дубнов⁵ (1860—1941)⁶ в полемике с *сионистами и ассимиляторами, подчеркивая, что автономизм признает еврейство не только нацией прошлого и будущего, но и нацией настоящего; что еврейский народ <...> может и в диаспоре существовать в качестве самобытной культурной нации⁷. В конце концов требования автономистов включили в свои программы все восточноевропейские еврейские партии, даже сионисты (которые не признали доктрину автономистов в принципе)⁸.

Перевод с латышского.

Концепция культурно-национальной автономии была всецело популярной. На проходившем в 1925 г. в Женеве под эгидой Лиги Наций съезде национальных меньшинств Европы, в котором принимали участие парламентарии из 14 стран, была принята резолюция о культурно-национальном самоуправлении меньшинств как созданном на принципах персональной автономии публично-правовом объединении⁹. Характерно, что эту идею особенно поддержали представленные на съезде еврейские парламентарии, которые трактовали культурную автономию как основное требование меньшинств¹⁰.

Ряд авторов, в том числе и латвийский юрист Мориц Минц, в межвоенный период стремились теоретически обосновать расширение культурной автономии и особенно акцентировали преимущества персональной автономии, потому что она обеспечивает индивиду свободу выбора¹¹.

Предположительно, стремлениям политиков национальных меньшинств Латвии добиться гарантий культурной автономии посредством особых законов способствовали и международные организации. В связи с погромами и другими антисемитскими эксцессами в странах Восточной и Центральной Европы у западных еврейских организаций были обоснованные сомнения в гарантировании прав национальных меньшинств. В 1918 г. *Американский еврейский конгресс разработал обширную программу по этому вопросу. Представители евреев западных стран активно действовали уже на Парижской мирной конференции¹², но особенно — при Лиге Наций в Женеве. Уже до приема Латвии в Лигу Наций Комитет еврейских организаций при Совете Лиги Наций (*The Joint Jewish Committee*) настаивал на том, чтобы у стран Прибалтики были такие же обязательства в защите национальных меньшинств, как и у тех стран, которые были вынуждены подписать специальные договоры по защите национальных меньшинств (Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния и др.)¹³.

Большое значение имел и прецедент — успешная реализация элементов культурной автономии в первой половине 20-х гг. в соседних странах — Польше и Литве¹⁴, но особенно толерантным и либеральным было отношение к национальным меньшинствам в Эстонии, являвшейся единственной страной в Европе, которая законодательно гарантировала культурную автономию национальных меньшинств¹⁵. Следует отметить, что парламент Эстонии принял Закон о культурной автономии 12 февраля 1925 г., когда в латвийском Сейме велись дискуссии о культурной автономии немецкого и еврейского меньшинств, поэтому меньшинственная пресса уделяла этому особое внимание¹⁶.

В провозглашенной 18 ноября 1918 г. Латвийской Республике было декларировано, что «культурные и национальные права национальных групп обеспечиваются в основных законах»¹⁷. Национальные меньшинства Латвии, в том числе и евреи, стали принимать участие в создании нового государства с надеждой, что в нем будут соблюдены не только их социально-экономические и политические, но и культурно-национальные интересы.

Формирование институтов парламентской демократии в молодом Латвийском государстве стало необходимым импульсом для самоорганизации и консолидации социально и культурно весьма неоднородной еврейской общины. Рассматривая парламентскую деятельность еврейского меньшинства как во временном парламенте — Народном совете, так и в Учредительном собрании и Сейме¹⁸, следует учитывать особую позицию, которую заняла еврейская социал-демократическая организация Бунд. Латвийские бундовцы активно выступали против ан-

тисемитских эксцессов и успешно мобилизовали для необходимого отпора этому своим единомышленников в латышской социал-демократии. Однако подход к правам нацменьшинств, особенно в понимании еврейской культурной автономии, у них и остальных еврейских партий радикально различался¹⁹. Характерными являются ответы представителя Бунда Исаака Рабиновича²⁰ на вопросы анкеты газеты «Сегодня» накануне выборов в Сейм второго созыва: «Понятно, что о блоке с остальными еврейскими партиями [в Сейме первого созыва] не могло быть и речи. <...> В области еврейской политики мы будем бороться за светскую национально-культурную автономию <...> будем бороться как с латышскими националистами, так и с еврейскими буржуазными партиями (от *,„Агудат” до *,„Цейрей-Цион”)²¹. Влиятельная газета «Сегодня» в своей редакционной статье с сожалением констатирует, что руководители еврейских (так же как и русских) организаций ничего не сделали, чтобы уменьшить взаимные разногласия и облегчить избирателям выполнение их гражданского долга²².

Уже в начале декабря 1918 г. еврейские социал-демократы, которые как первые представители евреев включились в работу временного парламента — Народного совета (1918—1920), начали требовать гарантий в национальном вопросе: «Национальная автономия необходима — тотчас же, сегодня». В Комиссию по национальным вопросам они внесли проект о введении в Латвии национальной-персональной автономии²³.

Самым большим достижением нацменьшинств в области автономии за межвоенный период стал закон Народного совета Латвии от 8 декабря 1919 г. об устройстве в Латвии школ национальных меньшинств. В нем гарантировалась возможность получения образования на родном языке, при этом нацменьшинства получали довольно широкие права участия в решении вопросов образования и культуры, например начальника Отдела школ национальных меньшинств Министерства просвещения утверждали в должности после рекомендации соответствующего нацменьшинства, и у него было право принимать участие в заседаниях Кабинета министров, если там рассматривались вопросы, связанные с культурной жизнью представляемой им национальности²⁴.

Согласно закону о создании в Латвии школ национальных меньшинств уже в декабре 1919 г. в Министерстве просвещения был создан Отдел еврейских школ, свою работу начал также совет в составе шести человек (трое — от еврейских организаций, трое — от союза учителей). Отдел часто подвергался резким упрекам в недостаточном отпоре так называемым ассимиляторским тенденциям, попыткам со стороны государственных учреждений и учреждений самоуправления ограничить права автономии²⁵. В свою очередь руководитель отдела Я. Ландау²⁶ неоднократно подчеркивал, что политизация вопроса развития еврейских школ в конце концов может угрожать существованию самой автономии²⁷. Еврейский отдел активно обращался против устремлений запретить ему контролировать те учебные заведения, учащиеся в которых были евреями, но учебный процесс происходил в основном на русском языке. Удалось достичь того, что еврейский отдел осуществлял контроль над образованием еврейских детей независимо от языка обучения²⁸.

Вопросы школ нацменьшинств, особенно их финансирования, были областью постоянной напряженности в Сейме, самоуправлениях и в обществе, особенно в связи с утверждением ежегодного бюджета или очередного правительства, а также перед выборами. После переворота 15 мая 1934 г. в соответствии с но-

вым Законом о народном образовании (от 12 июля 1934 г.) вышеупомянутый закон от 8 декабря 1919 г. утратил силу²⁹ и автономия школ нацменьшинств была ликвидирована. Школы национальных меньшинств, в том числе еврейские, продолжали работать, но их финансирование было ограничено, за их работой был установлен более строгий надзор, программы стали более унифицированными.

Однако в период становления Латвийского государства стремления нацменьшинств не ограничивались школьной автономией. Это отразилось в деятельности Учредительного собрания Латвии (1920—1922). Представители нацменьшинств стремились добиться, чтобы права национальных меньшинств были гарантированы как в основном законе — Конституции (*Satversme*), так и в специальных законах.

Вначале они даже предложили включить в Конституцию норму, предполагающую передать вопросы образования, литературы, искусства, театра и др. учреждениям публично-правового характера самих нацменьшинств, избираемых путем всеобщих выборов. После долгих дебатов в Конституционной комиссии для обсуждения на пленарном заседании был подготовлен проект второй части Конституции, куда предусматривалось вписать, что будут приняты особые законы о том, «какие языки национальных меньшинств и насколько допустимы в государственном управлении и судебных учреждениях (ст. 115), и что национальные меньшинства являются автономными публично-правовыми организациями в своих национально-культурных делах. Какие национальные меньшинства считать таковыми, какие у них органы, а также компетенцию этих органов и порядок их избрания определяет особый закон» (ст. 116)³⁰.

Так как вторая часть Конституции в целом принята не была, в последние месяцы работы Учредительного собрания представители нацменьшинств добивались рассмотрения специальных законопроектов об автономии национальных меньшинств.

Съезд еврейских общин Латвии создал комиссию, в работу которой включились представители всех еврейских партий и которая выработала законопроект «О национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения и употреблении в Латвии еврейского языка»³¹. Этот проект вместе с аналогичным законопроектом об автономии немецкого национального меньшинства был внесен в Учредительное собрание и 28 марта 1922 г. был передан на рассмотрение Юридической комиссии и Конституционной комиссии³². Позднее был также внесен проект о русской автономии. Однако Учредительное собрание не успело рассмотреть эти проекты.

В Сейм первого созыва (1922—1925) первым был внесен «Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения немецкой национальности и употреблении в Латвии немецкого языка» (14 декабря 1923 г.)³³. В нем детально была разработана организационная структура немецкого меньшинства, устройство немецкого образования и право использования немецкого языка в центральных государственных учреждениях и учреждениях самоуправления, судах, на почте и т.д. В проекте предусматривалось регистрировать в специальном национальном кадастре всех граждан Латвии немецкой национальности, обложить их налогом «для выполнения культурных задач», социального обеспечения и другие вопросы³⁴. 18 марта 1924 г. официально был принят к рассмотрению «Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения польской национальности и употреблении в Латвии польского языка»³⁵. Похожим

был и проект, внесенный 6 февраля 1925 г. русскими депутатами³⁶, только сбор налогов в случае необходимости было предусмотрено осуществлять при помощи государственных учреждений.

30 января 1925 г. Сейм передал на рассмотрение Публично-правовой и государственно-правовой комиссии подготовленный еврейскими парламентариями «Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии»³⁷. В законопроекте было три раздела: 1) организация объединения еврейского населения, 2) организация еврейских органов просвещения, 3) употребление еврейского языка в Латвии — в целом в нем была 21 статья. В соответствии с законопроектом, «все латвийские граждане еврейской национальности образуют национальное объединение публично-правового характера для удовлетворения своих национальных и культурных нужд» (ст. 1). Был определен порядок, как граждане входят в национальный кадастр и могут выйти из него (ст. 2), порядок избрания центральных органов объединения еврейской национальности и органы местного самоуправления (ст. 6), для которых предусматривалось также налогообложение своих соплеменников — взимание в случае необходимости налогов производилось бы с помощью государственных учреждений (ст. 5). Весьма подробно регламентировался порядок создания, содержания и управления еврейских образовательных учреждений (ст. 7—16)³⁸. Эти нормы в основном совпадали с в принципе утвержденном комиссией Сейма законопроектом «О национально-культурном самоуправлении объединения немецкой национальности и употреблении в Латвии немецкого языка»³⁹ и соответствовали существовавшему в то время устройству школ нацменьшинств. Были уточнены только отдельные нормативы. Так, предусматривалось «а) отпускать средства на содержание одного класса еврейским школам, если соберутся 30 учеников еврейской национальности латвийского подданства в возрасте обязательного обучения; для содержания двух классов, если соберутся 60 учеников еврейской национальности латвийских граждан, в возрасте обязательного обучения, но если вместе соберется меньше 30 детей, то на каждого ученика отпускается 30-я часть средств на содержание одного класса, если дети фактически посещают еврейские школы. б) Открывать школы в городах и местечках, если соберутся не менее 90 учеников еврейской национальности в составе не менее трех классов. В деревнях эта цифра с согласия Министра просвещения может быть понижена до 40» (ст. 8). Функции руководства и надзора за еврейскими просветительными учреждениями, так же как и до того, находились в компетенции еврейского отдела Министерства просвещения (ст. 11). Особо указывалось, что «еврейское национально-культурное самоуправление избирает членов еврейского отдела просвещения и представляет их на утверждение — начальника через министра образования Кабинету министров, других чиновников — как начальников отделений, инспекторов и сотрудников канцелярии в общепринятом порядке» (ст. 12). Для обсуждения важнейших вопросов еврейской школы предусматривалось создание Еврейского школьного совета (ст. 15), в составе которого были бы «представители Еврейского управления просвещения с начальником управления в качестве председателя, шесть представителей, избранных еврейским национально-культурным самоуправлением, и три представителя, избранных преподавателями еврейских школ» (ст. 17). В законопроекте декларировалось, что «гарантируется свободное употребление [еврейского] языка письменно и устно, частным образом и открыто» (ст. 19) и что «использование еврейского языка разрешается на

заседаниях самоуправлений и суда» (ст. 20). К тому же «во всех городах и других административных единицах, в которых проживает более 20 % граждан еврейской национальности, местные распоряжения должны быть опубликовываемы также по-еврейски» (ст. 21)⁴⁰. Следует добавить, что в законопроекте об автономии немцев это относилось к волостям, где жителей немецкой национальности было более 30 %⁴¹, а об автономии русских — более 15 %⁴².

Этот проект в основных направлениях появился еще в 1922 г. Его разработала комиссия, образованная съездом еврейских общин Латвии и утвердили правые и центристские еврейские партии («Агудат-Исраэль», *«Гистадрут-Гационит», «Цеирей-Цион», *«Мизрахи», Национально-демократическая партия и «Цеирей-Агудат-Исраэль»), но отклонили левые партии (Бунд и Народная партия — **Фолькспартей*)⁴³. Перед внесением в парламент законопроект был обсужден в так называемом бейрате — совещании представителей еврейских общин и депутатов-евреев. На нем вновь вспыхнули дебаты о языке обучения — сионисты настаивали на том, что учебный процесс в еврейских школах должен проходить на *иврите или *идише. Однако остановились на компромиссной формуле, оставив переход с немецкого и русского языков обучения на национальный (иврит или идиш) в компетенции самоуправления еврейской автономии⁴⁴.

Законопроект национально-культурного самоуправления объединения еврейского населения в Публично-правовой и государственно-правовой комиссии Сейма обсуждался на нескольких заседаниях в конце марта — начале апреля 1925 г.

В силу ряда обстоятельств внутривнутриполитическая ситуация не была достаточно благоприятной для существенного расширения прав национальных меньшинств, в том числе евреев⁴⁵.

Законопроект о культурной автономии евреев был внесен на последнем этапе работы Сейма первого созыва, когда в парламенте и обществе уже бушевали предвыборные страсти. Для мобилизации электората использовались националистические мотивы, особенно антинемецкие, но нередко и антисемитские лозунги. Страсти разжигались в связи с рассматриваемыми в Сейме именно в это время поправками к Закону о подданстве — опытный статистик и политик Маргерс Скуениекс пытался даже доказать, что в результате либерализации закона на латвийское гражданство будет претендовать четверть миллиона (!) представителей других национальностей⁴⁶.

Следует также учитывать и то, что в середине 20-х гг. заметно ослабло международное давление на государство Прибалтики с требованием гарантий прав национальных меньшинств. Латвийские дипломаты в Женеве и в других местах достаточно убедительно доказали способность своего государства на практике решать проблемы прав национальных меньшинств. Уже в 1923 г. Латвия добилась прекращения переговоров с советом Лиги Наций о правах меньшинств в Латвии⁴⁷. В это время и Лига Наций снизила свою активность в области защиты прав национальных меньшинств⁴⁸.

Негативный настрой части латвийского общества к национальным меньшинствам усилила жалоба в Лигу Наций, подготовленная прибалтийскими немцами, в которой проведенная в Латвии радикальная аграрная реформа интерпретировалась как нарушение прав нацменьшинств⁴⁹. Однако позднее комиссия Лиги Наций решила не продвигать коллективную жалобу немецких баронов для рассмотрения в Международном суде, признав, что решение аграрного вопроса является

ся внутренним делом Латвии⁵⁰, но все же в связи с этим инцидентом в прессе появились следующие высказывания: «Если немецкое общество солидаризируется с [подаателями жалобы] Фирксами и Фегезаками, то ясно, что этим шагом национальная публично-правовая автономия немцев похоронена на долгие времена»⁵¹.

Хотя представители наиболее влиятельных латышских политических партий еще не выступали против этого открыто, столь широкая культурная автономия меньшинств казалась для них неприемлемой. Многие были согласны с депутатом от Демократического центра Янисом Вейсманисом, который еще 16 декабря 1924 г. заявил с трибуны Сейма: «У нас стоит на повестке дня вопрос об автономии меньшинств — этот проект составлен таким образом, что с государственной точки зрения он неприемлем. Это не культурная автономия, против которой мы не возражаем, но речь идет о создании государства в государстве»⁵². Во время обсуждения законопроекта об автономии евреев съезд партии Демократического центра уже принял особую резолюцию, что внесенные национальными меньшинствами проекты автономии в Сейме «в нынешнем виде должны быть отклонены»⁵³.

В прессе нацменьшинств можно было прочесть возражения, что печально знаменитый тезис о государстве в государстве выдумали те, кто боится собственной тени, потому что за «шесть лет государственной независимости наша демократия выросла до понимания *Rechts und Kulturstaat* (правовое и культурное государство), и думается, что, обсуждая в Сейме проекты автономии национальных меньшинств, ей хватит сил дать отпор представителям идеологии старого времени»⁵⁴.

Одним из обстоятельств, затруднившим продвижение в парламенте законопроекта о культурной автономии национальных меньшинств, явилось то, что был разработан не один общий законодательный акт для всех национальных меньшинств государства, а четыре разных (немецкий, русский, еврейский и польский). Главными идейными вдохновителями и юридическими экспертами законопроекта об автономии были прибалтийско-немецкие депутаты. Они способствовали подготовке законопроектов и других национальных меньшинств, но не желали создать один — общий закон.

Уже в начале 1924 г. в парламенте и в кругах учителей школ национальных меньшинств обсуждалась и была отклонена возможность разработать единый законопроект⁵⁵. Через год в Публично-правовой и государственно-правовой комиссии Сейма депутат Макс Лазерсон⁵⁶ («Цеирей-Цион») предложил задержать продвижение на пленарное заседание Сейма принятого уже во втором чтении законопроекта об автономии немцев до внесения законопроектов остальными автономиями, чтобы «ни одно меньшинство не пошло в более привилегированное положение»⁵⁷, а представитель Бунда Ной Майзель⁵⁸ актуализировал идею о едином законе об автономии нацменьшинств⁵⁹. Против этого активнее всех возражал депутат от прибалтийских немцев Пауль Шиман. Хотя на следующем заседании комиссии предложение обоих коллег поддержали и социал-демократы, голосами представителей остальных национальных меньшинств и депутатов от латышских буржуазных партий (латгалцы воздержались) он был отклонен⁶⁰.

В первые месяцы 1925 г. атмосфера вокруг закона об автономии немцев становилась все более напряженной. Хотя законопроект был принят уже в трех чтениях в Публично-правовой и государственно-правовой комиссии Сейма⁶¹, например депутат Сейма, известный латышский поэт Карлис Скалбе эмоционально призывал не допускать такой автономии, потому что «немцы хотят по камешку разворошить здание свободной Латвии»⁶².

Поэтому, когда в конце марта законопроект об автономии евреев наконец дошел до повестки дня Публично-правовой и государственно-правовой комиссии Сейма, ее председатель депутат Янис Голдманис стремился добиться того, чтобы обсуждение было отложено до тех пор, пока не будет ясна судьба автономии немцев⁶³. Тем не менее это предложение не было принято. В комиссии не дебатировались установки, которые уже были продискутированы при обсуждении законопроекта об автономии немцев — о создании национального кадастра, о порядке формирования самоуправления национальных меньшинств и его компетенции. Поэтому уже на первых заседаниях комиссии в центре внимания находились те аспекты, по которым предлагаемая автономия евреев отличалась от законопроектов других автономий: во-первых, языком обучения в еврейских школах и, во-вторых, единством национальной и религиозной основы.

Как известно, споры среди евреев о языке обучения продолжались все время существования Латвийской Республики⁶⁴, они имели свои исторические, социальные и идеологические корни. В середине 20-х гг. почти 80 % латвийских евреев в семье употребляли родной язык⁶⁵, историк Григорий Смирин пишет, что это был идиш⁶⁶.

В начале 20-х гг. из 57 основных школ⁶⁷, находившихся в ведении Отдела еврейских школ Министерства просвещения, в 31 школе языком обучения был идиш, в 15 — иврит, в 7 — русский, в 4 — немецкий, а абсолютное большинство учеников еврейской средней школы (87,2 %) еще учились на русском языке⁶⁸. В начале 30-х гг. из примерно 11,2 тыс. еврейских детей в 101 основной школе нацменьшинств 46 % обучались на идише, 36 % — на иврите, 13 % — на немецком, а 5 % — на русском языке⁶⁹, к тому же известное число детей в провинции посещали и латышские школы.

Было хорошо известно, что бундовцы и религиозные круги латвийских евреев являются последовательными *«идишистами», а сионисты выступают за иврит. Об этом возникли дебаты на 1-м съезде заведующих еврейскими школами в апреле 1925 г., в котором принимали участие около 100 педагогов⁷⁰. В такой ситуации единственно верным решением для учреждений государственной власти было воздержаться от любого регулирования⁷¹.

Уже 25 марта 1925 г. на первом заседании Публично-правовой и государственно-правовой комиссии Сейма при обсуждении законопроекта о культурной автономии евреев начались дискуссии о языках. М. Скуениекс даже утверждал, что здесь мы имеем дело с пятью языками. М. Лазерсон и другие еврейские депутаты, протестуя, утверждали, что в законопроекте речь идет только о двух языках — идише и иврите, вместе с тем признавая, что латвийские евреи используют также русский, немецкий и латышский языки⁷². Поэтому в законопроекте предусматривалось, что «те просветительные учреждения, в которых обучаются дети еврейской национальности, но в которых языком преподавания является не древнееврейский [т.е. иврит] и не еврейский [т.е. идиш], подчинены еврейскому управлению образования», но предусматривались два варианта, когда и как эти школы перейдут на национальный язык обучения (ст. 7, примечание)⁷³. Однако по этим вопросам у еврейских политиков и работников образования по-прежнему были разногласия⁷⁴.

Острые дебаты в комиссии Сейма развернулись по статье законопроекта, которые относились к религии, а именно к иудаизму. В примечании к ст. 2 было определено, что «переход в другое вероисповедание во всяком случае влечет за собой исключение из кадастра», а в ст. 4 говорилось, что «в сферу деятельности

органов самоуправления граждан еврейской национальности включается обязанность содействовать удовлетворению всех потребностей национально-культурной жизни, социальное обеспечение, поскольку оно не предоставляется государством или самоуправлением или предоставляется в недостаточном размере, и попечение о публично-религиозных потребностях, включая содержание синагог и молитвенных домов»⁷⁵.

Такая позиция не только вызвала реплики и возражения латышских депутатов, но и острые стычки между еврейскими депутатами. Когда представитель «Агудат» Мордехай Дубин⁷⁶ начал разъяснять, что дела культа и религии для евреев настолько важны, что без них вовсе нет еврейской национальности, поэтому даже бундовцы пекут *мацу и ходят в синагогу, Н. Майзель начал так активно протестовать, что дебаты, в пересказе латышской прессы, «временами принимали столь бурный характер, что председатель был вынужден вмешиваться»⁷⁷. Хотя депутаты от других национальных меньшинств выражали понимание тесной связи национальных дел евреев с их религией, позиция Н. Майзеля (Бунд) и М. Лазерсона («Цеирей-Цион») была непримиримой. К ним активно присоединились депутаты от латышских социал-демократов. Депутат А. Петревиц даже утверждал, что «мы не можем позволить вам за государственные средства строить Палестину»⁷⁸, а Ф. Циеленс заявил: «Социал-демократы категорически будут протестовать против религиозного характера автономии и не допустят превращения ее в опору реакции и клерикализма»⁷⁹. Компромиссные предложения правоконсервативного латышского депутата А. Бергса и немецкого депутата П. Шимана не получили поддержки⁸⁰. Связь еврейской автономии с религией в комиссии Сейма по публичному праву была отвергнута⁸¹. Следует добавить, что, по оценке израильского историка Дова Левина, еврейская автономия во всех населенных еврейми местах основывалась на принципе *де факто* *кагалов, и хотя им не был присвоен юридический статус, в самих кагалах *de facto* существовала власть еврейских депутатов⁸².

Разногласия в вопросе автономии привели к отзыву представителя «Цеирей-Цион» М. Лазерсона из Публично-правовой комиссии Сейма. Как писала пресса, депутат уже все время голосовал вместе с социал-демократами, но чаша была переполнена, когда М. Лазерсон выступил против предложения разрешить еврейскому самоуправлению заниматься делами культа, поэтому бюро фракции национальных меньшинств Сейма вместо него 3 апреля 1924 г. делегировало в комиссию депутата Еврейского объединенного национального блока Леопольда Фишмана⁸³. Особое внимание этим изменениям уделила латышская консервативная печать⁸⁴, а газеты национальных меньшинств опубликовали длинное разъяснение по этому вопросу проф. П. Минца и проф. М. Лазерсона⁸⁵.

В связи с внесением в Сейм и обсуждением в парламентских комиссиях законопроекта об автономии национальных меньшинств в прессе и в отдельных изданиях появились аргументы против внесенного в Сейм проекта об автономии.

Известный публицист Артур Кродерс в брошюре «Об автономии меньшинств» разъяснял, что «о публично-правовой автономии на персональных основах можно говорить только в отношении тех государств, где на одной территории живут две или три нации в известном процентном соотношении — или довольно одинаковым, или примерно до 20 %»⁸⁶. Автор выразил мнение, что права основной нации и меньшинств вытекают из права самоопределения, которые разделяются двумя различными возможностями реализации — территориальной и персональной. Латышской нации, которая живет на своей исторической территории,

причитается первая возможность. Меньшинства, в свою очередь, имеют право требовать у принадлежащих к ним персон (граждан государства) соблюдения особых национальных интересов, такой национально-культурной автономии, которая гарантировала бы им возможность сохранить и развивать свою национальную идентичность. По мысли А. Кродерса, требования меньшинств создать в Латвии свой институт — административно-правовую организацию — со статусом самоуправления, с точки зрения международного права, были обосновательны. Культурная автономия не может превратиться в «государство в государстве». Правовая федерация национальностей может быть целесообразной только в многонациональном государстве, но ни в коем случае не в национальном государстве⁸⁷.

Похожее мнение высказывали многие латышские буржуазные газеты⁸⁸. Доцент Латвийского университета, впоследствии депутат Сейма во фракции Демократического центра К. Дышлерс, который также считал, что у меньшинств в Латвии и так слишком широкие права, в принципе правильно связывал предоставление меньшинствам национальной автономии с их лояльностью к государству⁸⁹.

Обсуждение в парламенте проектов культурной автономии вызвало весьма нетерпимую реакцию. В прессе публиковались резолюции против обсуждения законопроектов об автономии в парламенте⁹⁰, представителей национальных меньшинств называли даже «кукушкиными детьми»⁹¹, а законопроекты об автономии — троянским конем и т.п.⁹² В первую очередь эта нетерпимость была обращена против прибалтийско-немецкой автономии. Нет оснований полагать, что возражения против закрепления в специальных законах прав национальных меньшинств на культурную автономию имели специфически антисемитский характер. В середине 20-х гг. открытые антисемитские эксцессы в обществе и публикации в прессе пошли на убыль⁹³. Происшедшие антисемитские эксцессы (например, брошенная хулиганом 23 января 1925 г. в здание синагоги на ул. Дзирнаву и Гоголя ручная граната) не были связаны с законодательными инициативами еврейских депутатов⁹⁴.

Понятно, что обсуждение проекта автономии в парламенте наиболее широко отображала пресса меньшинств, особенно немецкая “*Rigasche Rundschau*”, еврейская «Народная мысль» и русская «Сегодня» (последняя постоянно уделяла самое большое внимание также жизни евреев в Латвии и в других странах). В передовой статье, опубликованной 15 марта 1925 г., газета «Сегодня», отвергая предположение некоторых латышских политиков и публицистов, что культурная автономия ведет к политическому сепаратизму, предупреждала: «Если автономия будет провалена, то мы убеждены, что это есть шаг назад, шаг на пути к той специфической „инородческой“ политике, которая нигде ничего, кроме вреда для государства, не приносила»⁹⁵. Уже через неделю в передовой статье «Инородческие ярлыки» редакция протестовала против того, что на обсуждаемый в тот момент в Сейме законопроект навешивались ярлыки «еврейской опасности» (связь с Законом о подданстве) или «опасности немецкой» (связь с законом об автономии), подчеркивая, что «если для агитации предвыборной борьба с автономией под флагом немецкой опасности и „государства в государстве“ очень соблазнительны, то нужно помнить, что агитация — это одно, а государственные интересы — другое. Смешение этих двух вещей всегда опасно и вредно»⁹⁶.

В конце концов, убедившись в том, что нет никакой надежды добиться принятия в парламенте закона об автономии, еврейские политики сами отозвали обсуждение законопроекта в Публично-правовой комиссии Сейма⁹⁷. Прав оказался

прибалтийско-немецкий депутат Пауль Шиман: «... в этом Сейме проект об автономии похоронен»⁹⁸. Сейм второго созыва, избранный осенью 1925 г., к этому вопросу больше не вернулся.

Поскольку в Латвии (в отличие от Эстонии) так и не был принят специальный закон о культурной автономии национальных меньшинств, то как у современников, так и у исследователей существуют различные мнения о ее степени.

Депутат Сейма и теоретик прав национальных меньшинств проф. М. Лазерсон на конференции представителей национальных меньшинств прибалтийских государств в январе 1926 г. сказал: «У нас есть специальный закон [об образовании], но это не автономия — в лучшем случае это первый шаг на этом пути»⁹⁹.

В уважаемой в то время энциклопедии Брокгауза указывалось, что культурная автономия гарантирована в Эстонии, а в Латвии осуществлена только автономия школьного управления (*Schulverwaltungsaautonomie*)¹⁰⁰. В то же время в изданной в Берлине четырехтомной Еврейской энциклопедии отмечено, что «в Латвии и Эстонии права еврейского меньшинства осуществляются и на практике только сужены в рамках культурной автономии, предоставленной остальным национальным меньшинствам»¹⁰¹. В современной десятичной Еврейской энциклопедии тоже указано, что в 1919 г. евреи, так же как и другие национальные меньшинства, получили культурную автономию¹⁰².

Ретроспективно оценивая приобретения и потери национальных меньшинств в борьбе за свои национально-культурные интересы, следует признать, что прибалтийские немцы испытывали большое недовольство и горечь от неосуществления далеко идущих планов автономии. Для других меньшинств, в том числе и для евреев, ситуация была иной. Проф. А. Странга, который основательно углубился в исследование проблем истории евреев Латвии и сравнил их положение с положением еврейского меньшинства в других странах Восточной и Центральной Европы, высказывает большие сомнения в том, удалось бы евреям Латвии осуществить правовую автономию — противоречия в самой еврейской общине были слишком глубокими и многообразными, даже не говоря о том, что не все были бы согласны платить еще один налог для содержания автономии. Противоречия между идишистами и гебраистами, сионистами и антисионистами, левыми и правыми, ортодоксами и неверующими, личные столкновения подрывали бы еврейский национальный совет¹⁰³.

Существовавшая модель прав национальных меньшинств — без национальных советов, кадастра и т.д. — в основе своей действительно обеспечивала культурные нужды меньшинств и защитила расколотых и подверженных горячим спорам евреев от еще более острых внутренних разногласий.

В годы Второй мировой войны культурно-просветительные учреждения евреев Латвии получили тяжелый удар прежде всего от советского режима, а затем были уничтожены после установления оккупационного режима нацистской Германии. Был уничтожен уникальный культурный опыт Восточной Европы, в *Холокосте были вероломно прерваны жизни большей части еврейских политиков, общественных деятелей и педагогов довоенной Латвии. Традиции культурной автономии начали возрождаться много десятилетий спустя, вместе с национальными движениями в Прибалтике — во время так называемых песенных революций. Характерно, что в годы перестройки именно в Латвии открыла двери первая в Советском Союзе еврейская светская школа, было основано Латвийское общество еврейской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Kalnciema A.* Nacionālo minoritāšu kultūras autonomijas parlamentārais risinājums Latvijas Republikā // *Latv. Vēst. Inst. žurn.* 1992. Nr. 3. 117.—129. lpp.; *Stranga A.* Ebreji un diktatūras Baltijā (1926—1940). 2. papild. izd. R., 2002. 344 lpp.; *Волкович Б.* Из истории еврейской культуры в Латвии (1918—1940). Даугавпилс, 2002. Ч. 1. 184 с.; *Garlelf M.* Die kulturelle Selbstverwaltung der nationalen Minderheiten in den baltischen Staaten // В. Meissner (Hrsg.). Die baltischen Nationen. 2. Aufl. Köln, 1991. S. 87—107; *Фейсмане Т.* Русские в довоенной Латвии на пути к интеграции. Рига, 2000. 384 с.
- ² Бунд // *Краткая еврейская энциклопедия*: В 10 т. Иерусалим, 1976. Т. 1. Стб. 558—562.
- ³ О позиции О. Бауэра по еврейскому вопросу подробнее см.: *Дуне Д.* Отто Бауэр // *Евреи и XX век.* Аналитический словарь. Пер. с французского. М., 2004. С. 596—604.
- ⁴ *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909, С. 368—380; *Шпрингер Р.* О национальной территориальной автономии. М., 1906.
- ⁵ См. прим. 1 на с. 101.
- ⁶ Автономизм // *Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 1. Стб. 30—35.
- ⁷ *Дубнов С. М.* Письма о старом и новом еврействе. СПб., 1907. С. 181—182.
- ⁸ Автономизм. Стб. 32.
- ⁹ Die Genfer Resolutionen // *Rigasche Rundschau.* 1925. 2. Nov.
- ¹⁰ Die Kultur-Autonomie als internationale Minderheitenforderung: Rede des jüdischen Abgeordneten Robinson-Litauen auf der Minderheitentagung in Genf // *Rigasche Rundschau.* 1925. 3. Nov.
- ¹¹ *Mintz M.* Die nationale Autonomie im System des Miderheitsrechts unter besonderer Berücksichtigung der Rechtentwicklung in der baltischen Randstaaten. R., 1927. Мориц Минц (1903—1941) был сыном единственного представителя евреев в правительстве Латвии, государственного контролера в 1919—1920 гг. Пауля Минца (см. прим. 47 на с. 93). В наши дни он характеризуется как идеолог расширения прав культурной автономии (*Dribins L.* Kultūras autonomijas teorija un prakse Latvijā // *Latv. Vēstn.* 2000. 1 jūn.).
- ¹² В марте 1919 г. по инициативе *Всемирной сионистской организации в Париже был создан специальный Комитет еврейских делегаций, который 10 июня 1919 г. представил Парижской мирной конференции меморандум с требованием включить в договоры с новыми или расширяющимися государствами особые условия, которые бы гарантировали равноправие всех национальных меньшинств с коренным населением и обеспечение их автономии в области культуры, религии и общественной жизни (*Краткая еврейская энциклопедия*. Иерусалим, 1988. Т. 4. Стб. 436).
- ¹³ *Stranga A.* Op. cit. 109., 262. lpp.; Minderheitsrechte, nationale // *Jüdisches Lexikon: Das enzyklopädisches Handbuch des jüdischen Wissens:* In 4 Bd. Berlin, 1930. Bd. 4/1. Sp. 197.
- ¹⁴ См.: *Stranga A.* Op. cit. 27. —31., 262.—264. lpp.; *Гарфункель Л.* Еврейская национальная автономия в Литве. Вильно, 1920; *Лемпертас И.* Еврейская национальная автономия в межвоенной Литве // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 ноября 2001 г.* Рига, 2002. С. 293—302.
- ¹⁵ Уже в Манифесте об основании государства от 24 февраля 1918 г. было декларировано право национальных меньшинств на культурную автономию. 25 февраля 1925 г. парламент Эстонии утвердил специальный закон о культурной автономии (Закон о культурной автономии национальных меньшинств // *Радуга.* 1988. № 10. С. 50—53). Немецкое и еврейское меньшинства в Эстонии без промедления образovali свои самоуправления.
- ¹⁶ Принят закон об автономии меньшинств в Эстонии // *Народ. Мысль.* 1925. 6 февр. Публично-правовая комиссия Сейма даже затребовала текст эстонского закона, чтобы сравнить его с законопроектом, внесенным прибалтийскими немцами. (Органы немецкой автономии и Министерство внутренних дел // *Народ. мысль.* 1925. 10 февр.) Эстонский закон широко использовался как аргумент в полемике с критиками законопроекта об автономии (*Лазерсон М.* Автономия затягивается // *Сегодня.* 1925. 14 марта).
- ¹⁷ *Latvijas Tautas Padomes politiskā platforma* // *Latv. Pagaidu Vald. Likumu un Rīkojumu Krāj.* Nr. 1. 1918. Nov.

- ¹⁸ См. прим. 4 на с. 289.
- ¹⁹ По этой причине автор считает неправильным причислять депутатов от Бунда к фракциям национальностей в латвийском парламенте.
- ²⁰ Рабинович Исаак (1884—1941) — член Народного совета Латвии, депутат Учредительного собрания (1920—1922). — *Ред.*
- ²¹ Сегодня. 1925. 23 авг. Партии «Цейрей-Цион» в различных государствах уделяли большое внимание решению правовых и практических вопросов культурной автономии. В Латвии наиболее видными представителями этой партии были член Конституционной комиссии Яков Гельман и депутат Сейма первого—третьего созывов проф. Макс Лазерсон (см. прим. 56 на с. 279—280).
- ²² Выборы и меньшинства // Сегодня. 1925. 18 сент.
- ²³ *Latvijas Tautas Padome: [Stenogrammas]*. R., 1920. 33., 67. lpp. А. Странга в этой же связи отмечает: «Ясно, что они сами в действительности не понимали, что такая [национально-персональная] автономия означал бы, и еще более ясно, что они представляли абсолютное меньшинство евреев» (*Stranga A. Op. cit.* 99. lpp.)
- ²⁴ *Likums par mazākuma tautību skolu iekārtu Latvijā* // *Latv. Pagaidu Vald. Likumu un Rīkojumu Krāj.* 1919. 31. dec. 176. —177. lpp.
- ²⁵ Печальное положение еврейских школ в Латвии // Сегодня. 1925. 6 янв.
- ²⁶ Ландау Яков Львович (1859—1941) — инженер-механик, педагог, общественный деятель. Родился в Головчине Курской губернии (ныне в Белгородской области). В 1885 г. окончил Петербургский практический технологический институт. Преподавал математику, химию и технологию в 1910—1915 гг. в рижской еврейской гимназии Н. Ривоша, с 1919 г. — в Инженерно-технологической средней школе Я. Л. Ландау; с декабря 1919 г. по 1934 г. занимал должность начальника Управления еврейского образования Департамента по делам национальных Министерства просвещения Латвии. Погиб в Рижском гетто. — *Ред.*
- ²⁷ *Ландау Я.* Письмо в редакцию // *Народ. мысль.* 1925. 15 янв.
- ²⁸ *Волкович Б.* Из истории еврейской культуры в Латвии (1918—1940). Т. 1. С. 42.
- ²⁹ *Likums par tautas izglītību, 207. pants* // *Likumu un Ministru kabineta noteikumu krāj.* 1934. 27. jūl.
- ³⁰ *Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas: 5. sesija.* R., 1922. 337. lpp.
- ³¹ История проекта еврейской автономии: Беседа с председателем бейрата проф. П. Минцем // *Народ. мысль.* 1925. 1 февр.
- ³² *Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas: 5. sesija.* 1065. lpp.
- ³³ *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 3. sesija (no 1923. g. 9. okt. līdz 1923. g. 14. dec.).* [R., 1924]. 491. sl.
- ³⁴ *Latvijas Arhīvi.* 1996. Nr. 1/2. 69. —71. lpp. (публикация А. Калнциемы).
- ³⁵ *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 3. sesija.* 549. sl.
- ³⁶ *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 7. sesija (no 1925. g. 20. janv. līdz 1925. g. 3. apr.).* [R., 1925]. 217. sl.; Проект русской автономии // *Фейгмане Т.* Указ. соч. С. 342—346.
- ³⁷ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 5485, оп. 1, д. 137, л. 2; *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 7. sesija.* 129. sl. Интересно, что в источниках имеются различные сведения о том, какие депутаты подписали заявление о рассмотрении законопроекта (согласно ст. 79(1) Регламента Сейма, законопроект в Сейм могли внести не менее пяти депутатов), — в стенограмме заседаний Сейма указаны М. Лазерсон, М. Нурок, М. Дубин и П. Шиман (*Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 7. sesija.* 129. sl.), в газете „*Valdības Vēstnesis*” («Правительственный вестник») — П. Шиман, М. Лазерсон, М. Нурок и др. (*Vald. Vēstn.* 1925. 31. janv.), а в еврейской прессе — Л. Фишман, М. Лазерсон, М. Нурок, М. Дубин, С. Витенберг (Внесение законопроекта о еврейской автономии // *Народ. мысль.* 1925. 31 янв.). К сожалению, пока в архивах не удалось найти полный текст законопроекта, однако он опубликован в газете Еврейской национально-демократической партии «Народная мысль» (Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии // *Народ. мысль.* 1925. 1 февр.). Не сохранились и протоколы заседаний Публично-правовой комиссии Сейма, поэтому ход обсуждения законопроекта приходится реконструировать по исчерпывающим изложениям в прессе (Началось обсуждение еврейской автономии // *Народ. мысль.* 1925. 26 марта; Светская или духовная община? // *Народ. мысль.* 1925. 27 марта; Публично-правовая комиссия от-

- клонила религиозную компетенцию органов автономии // Народ. мысль. 1925. 28 марта; Вопрос о языке в публично-правовой комиссии // Народ. мысль. 1925. 4 апр.; Русская и еврейская автономия // Сегодня. 1925. 26 марта; Обсуждение еврейской автономии // Сегодня. 1925. 27, 28 марта; *Zīdu autonomija* // *Latvis*. 1925. 26. —28. marta).
- ³⁸ Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии // Народ. мысль. 1925. 1 февр.
- ³⁹ *Par vācu tautības apvienības nacionālkulturālo pašvaldību un vācu valodas lietošanu Latvijā* // *Latvijas Arhīvi*. 1996. Nr. 1/2. 69—71. lpp. (Публикация А. Калнциемы).
- ⁴⁰ Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии.
- ⁴¹ *Par vācu tautības apvienības nacionālkulturālo pašvaldību un vācu valodas lietošanu Latvijā* // *Latvijas Arhīvi*. 1996. Nr. 1/2. 71. lpp.
- ⁴² Проект русской автономии // Фейгмане Т. Указ. соч. С. 342—346.
- ⁴³ История проекта еврейской автономии.
- ⁴⁴ Бейрат о языковом вопросе // Народ. мысль. 1925. 29 янв.
- ⁴⁵ Это осознавали и сами податели законопроекта. Например, депутат раввин М. Нурок в лекции «6-я сессия Сейма и вопрос национальных меньшинств» в рижском Доме Черноголовых 13 января 1925 г. сказал, что принятие закона об автономии в нынешних условиях сомнительно (Народ. мысль. 1925. 20 янв.). Председатель бейрата проф. П. Мицц также осторожно высказался о том, что «при данном соотношении сил в Сейме и неопределенности политических группировок трудно предвидеть судьбу законопроекта», но высказал надежду, что в той или иной редакции он соберет большинство голосов Сейма (История проекта еврейской автономии).
- ⁴⁶ *M. Skujenieka runa 1925 g. 21 apr.* // *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 8. sesija (no 1925. g. 21. apr. līdz 1925. g. 29. maijā)*. [R., 1925]. 15. —16. sl.
- ⁴⁷ *Latvju delegācija minoritāšu jautājumā [Sūtņa Dr. M. Valtera iesniegtās deklarācijas teksts]* // *Vald. Vēstn.* 1923. 19. jūl.
- ⁴⁸ Подробнее см.: Лига Наций // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4. Стб. 835. В 1930 г. Лига Наций была раскритикована IV конгрессом национальных меньшинств Европы, в резолюции которого констатировалось, что доверие к Лиге Наций как к гаранту прав национальных меньшинств сильно поколеблено (Сегодня. 1930. 1 сент.).
- ⁴⁹ А. Странга пишет, что при царивших в тот момент антинемецких настроениях привлечение прибалтийско-немецкого депутата П. Шимана к внесению законопроекта об автономии евреев было тактической ошибкой евреев, одновременно признавая, что тесное сотрудничество в латвийском парламенте еврейских депутатов с прибалтийско-немецкими в 20-е гг. в целом себя оправдывало (*Stranga A.* Op. cit. 114. lpp.).
- ⁵⁰ *Dribins L.* Eiropas valstu minoritāšu tiesības: *Vēst. apsk. R.*, 1998. 53. lpp.
- ⁵¹ *Dišlers K.* Nacionālā autonomija un lojalitāte // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 6. jūn.
- ⁵² *Latvijas Republikas [L.] Saeimas stenogramma: 4. sesija (no 1924. g. 7. okt. līdz 1924. g. 19. dec.)*. [R., 1925]. 810. sl.
- ⁵³ *Demokrātiskā centra kongress* // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 30. marts.
- ⁵⁴ *Гутман А.* Автономия: [Передовая ст.] // Народ. мысль. 1925. 8 февр.
- ⁵⁵ *Фейгмане Т.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁶ Лазерсон Макс (Максим Яковлевич) (1887—1951) — ученый-правовед, философ и политик. Родился в Митаве (ныне Елгава в Латвии), в 1916 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, в 1917 г. работал в Министерстве внутренних дел Временного правительства. С 1920 г. жил в Латвии, депутат Сейма (парламента) Латвийской Республики 1-го и 3-го созывов, один из лидеров партии «Цейрей-Цион». Преподавал в коммерческом училище и на Русских университетских курсах в Риге. После государственного переворота и установления в Латвии этнократического авторитарного режима (1934) эмигрировал в Палестину, где преподавал в школе права и экономики в Тель-Авиве, но, не найдя там применения своим способностям, переехал в США, где работал в Министерстве юстиции и был профессором международного права в Колумбийском университете. Автор книг «К международной постановке еврейского вопроса» (1917), «Национальность и государственный строй» (1918), «Право на банальность. Опыт обоснования

- трудового сионизма» (1925), «Революция и право» (1926), «Социальная педагогика и правовое воспитание» (1927) «Общая теория права» (1930), «Мандат, конституция и законодательный совет Палестины» (1936), «Философия права Маймонида» (1939), «Россия и западный мир» (1945), «Суд и свобода личности» и др. Умер в Нью-Йорке. — *Ред.*
- ⁵⁷ Немецкая автономия принята во втором чтении // Сегодня. 1925. 30 янв.
- ⁵⁸ Майзель Ной (1891—1952) — политический и общественный деятель. Родился в Несвиже Минской губернии (ныне в Белоруссии). Окончил медицинский факультет Юрьевского (ныне Тартуский) университета со степенью доктора медицины. Еще будучи школьником, попал под влияние *Бунда; по линии этой партии во время Первой мировой войны занимался оказанием помощи беженцам в прифронтовом Двинске (ныне Даугавпилс в Латвии). В независимой Латвии член правления Даугавпилсской еврейской общины, лидер Даугавпилсской организации Бунда и член его ЦК. В 1922—1931 гг. депутат Сейма (парламента) Латвии 1—3-го созывов. Будучи депутатом, окончил юридический факультет Латвийского университета. После государственного переворота и установления в Латвии этнократического авторитарного режима (1934) как социал-демократ был заключен в концлагерь в Лиепае и оставался в заключении до 1935 г. В 1941 г. был репрессирован сталинским режимом и в 1943 г. приговорен к десяти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях Усольяла. Умер на спецпоселении в Северном районе Новосибирской области. — *Ред.*
- ⁵⁹ Немецкая автономия принята во втором чтении.
- ⁶⁰ Единый закон об автономии меньшинств отвергнут // Сегодня. 1925. 31 янв.
- ⁶¹ Окончание 3-го чтения немецкой автономии // Народ. мысль. 1925. 20 февр.
- ⁶² Народ. мысль. 1925. 7 марта.
- ⁶³ *Žīdu autonomija // Latvis. 1925. 26. marts.*
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Волкович Б.* Из истории еврейской культуры в Латвии (1918—1940). Ч. 1. С. 44—52; Ч. 2. С. 8—15.
- ⁶⁵ *Skujenieks M.* Latvija: Zeme un iedzīvotāji. 3., pārstr. un papild. izd. R., 1927. 312. lpp.
- ⁶⁶ *Смирин Г.* Еврейская периодическая печать в Латвии в период между двумя мировыми войнами // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф., Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 312.
- ⁶⁷ Основная школа в 20—30-е гг. в Латвии давала обязательное бесплатное 6-летнее образование. — *Ред.*
- ⁶⁸ Народ. мысль. 1922. 6 авг.
- ⁶⁹ Сегодня. 1932. 13 окт.
- ⁷⁰ Там же. 1925. 10 апр.
- ⁷¹ М. Лазерсон впоследствии гордился, что в 1926 г. ему в комиссии Сейма по образованию удалось добиться, чтобы государственные субсидии по-прежнему получали школы с обучением как на одном, так и на другом языках (*Lazersons M.* *Žīdu minoritātes stāvoklis Latvijā // Latvijas Republika desmit pastāvēšanas gados. R., 1928. 49. lpp.*)
- ⁷² Началось обсуждение еврейской автономии // Народ. мысль. 1925. 26 марта.
- ⁷³ Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии // Народ. мысль. 1925. 1 февр.
- ⁷⁴ Выступления М. Лазерсона, Л. Фишмана и Н. Майзеля на заседании публично-правовой комиссии Сейма см.: Вопрос о языке в Публично-правовой комиссии // Народ. мысль. 1925. 4 апр.
- ⁷⁵ Проект закона о национально-культурном самоуправлении объединения еврейского населения в Латвии. // Народ. мысль. 1925. 1 февр. В ходе обсуждения депутат раввин М. Нурок подчеркнул, что «только официальный переход в другую веру означает отказ от еврейской национальности» (Светская или духовная община? // Народ. мысль. 1925. 27 марта).
- ⁷⁶ См. прим. 5 на с. 9.
- ⁷⁷ *Žīdu autonomija // Latvis. 1925. 27. marts.*
- ⁷⁸ Светская или духовная община?
- ⁷⁹ Публично-правовая комиссия отклонила религиозную компетенцию органов автономии // Народ. мысль. 1925. 28 марта.
- ⁸⁰ *Žīdu autonomija // Latvis. 1925. 28. marts.*

- ⁸¹ Публично правовая комиссия отклонила религиозную компетенцию органов автономии; Обсуждение еврейской автономии // Сегодня. 1925. 27 марта.
- ⁸² *Levins D.* Ebreju vēsture Latvijā: No armešanās sākumiem līdz mūsu dienām. Jeruzāleme, 1988. 49. lpp. В начале 20-х гг. в Латвии было 52 кагала (Там же. С. 41).
- ⁸³ ЛГИА, ф. 5485, оп. 1, д. 3655, л. 25.
- ⁸⁴ *Lazersonu atsauc* // *Latvis*. 1925. 2. apr.
- ⁸⁵ Письмо депутата М. Лазерсона и заявление проф. П. Минца // Народ. мысль. 1925. 7 апр.; Сегодня вечером. 1925. 3 апр.
- ⁸⁶ *Krodērs A.* Par minoritātu autonomiju. R., 1924. 44. lpp. Аргумент, что право национальных меньшинств признается только за численно большими национальностями, по крайней мере за 20 % от населения соответствующего государства, использовался и позднее. В 11-м томе латышского энциклопедического издания можно прочитать, что «Латвия является государством наций, поскольку наряду с латышами здесь живут представители других народов» (*Nacionālās minoritātes // Latviešu Konversācijas vārdnīca*. R., 1934—1935. 11. sēj. 21187. sl.), а в 14-м томе, основываясь на этой предпосылке, уже объясняется, что «в Латвии национальных меньшинств вовсе нет, и претензии инородцев на автономию следует отвергать в принципе» (*Minoritāšu tiesības // Latviešu Konversācijas vārdnīca*. R., 1936. 14. sēj. 27 344. sl.). Оппонентам автономии особенно не нравился факт, что в Эстонии евреи получили полную публично-правовую автономию и право сформировать Совет по еврейской культуре, когда в кадастре национальности зарегистрировались только 3045 граждан. Это, разумеется, свидетельствовало об удивительной терпимости и умеренности эстонцев (*Stranga A.* Op. cit. 70. lpp.).
- ⁸⁷ *Krodērs A.* Par minoritātu autonomiju. 26.—33. lpp.
- ⁸⁸ *Akuraters J.* Minoritātu autonomijas likums // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 16. martā; *Dišlers K.* Nacionālo minoritātu autonomija // *Latv. Vēstn.* 1925. Nr. 80; *Id.* Piezīmes par nacionālo minoritātu autonomiju // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 14., 21. martā, 4. apr.; *Krodērs A.* Saeimas lēmums par minoritātu autonomiju un tautas griba // *Pirmdienā*. 1925. Nr. 8.
- ⁸⁹ *Dišlers K.* Nacionālā autonomija un lojalitāte.
- ⁹⁰ Pret vācu autonomiju [Valsts un pašvaldību darbinieku biedrības sasauktā sapulce Rīgas Ģildē] // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 21. martā; Liepājas latvju organizāciju protests pret minoritātu autonomijas projektiem // *Kurzemes Vārds*. 1925. Nr. 76. Университет против культурной автономии // Народ. мысль. 1925. 14 марта.
- ⁹¹ *Cālītis E.* Dzeguzes bērni // *Tukuma Ziņas*. 1925. Nr. 10.
- ⁹² *Akuraters J.* Minoritātu autonomijas likums.
- ⁹³ Проф. Л. Дрибинс подсчитал, что в 1920 г. в Латвии было опубликовано 10 статей антисемитской направленности, в 1921 г. — 28 резко антисемитских статей, в 1923 г. — 32, в 1924 г. — 7, а в 1924 г. — только две публикации антисемитского характера (*Dribins L.* Antisemitisms un tā izpausmes Latvijā: Vēst. apsk. R., 2002. 85. lpp.).
- ⁹⁴ Взрыв в Малой синагоге // Народ. мысль. 1925. 25 янв. Нередко подобные инциденты возникали в результате конфликтов различных еврейских радикальных группировок (см., напр.: *Liels tracis žīdu sinagogas dārzā Rīgā* // *Jaunākās Ziņas*. 1925. 2. apr.).
- ⁹⁵ Кампания против автономии // Сегодня. 1925. 15 марта.
- ⁹⁶ Инородческие ярлыки // Сегодня. 1925. 22 марта.
- ⁹⁷ Еврейская автономия снята // Сегодня. 1925. 24 апр.
- ⁹⁸ Š. Šimaņa runa 1925. g. 6. maijā // *Latvijas Republikas [l.] Saeimas stenogramma*: 8. sesija (no 1925. g. 21. apr. līdz 1925. g. 29. maijam). [R., 1925]. 352. sl.
- ⁹⁹ Baltijas valstu minoritāšu pārstāvju konferences neoficiālās apspriedes protokols, 1926. g. 17. jan. // *Latv. Arh.* 1996. Nr. 1/2. 78. lpp.
- ¹⁰⁰ *Kulturaautonomie // Die Grosse Brockhaus: Handbuch des Wissens*: In 20. Bd. 15. Aufl. Leipzig, 1931. Bd. 10. S. 693.
- ¹⁰¹ *Minderheitsrechte, nationale // Jüdisches Lexikon*. Bd. 4/1. Sp. 199.
- ¹⁰² Латвия // *Краткая еврейская энциклопедия*. Т. 4. Стб. 696.
- ¹⁰³ *Stranga A.* Op. cit. 175. —176. lpp.